

ХУДОЖНИК РУССКОЙ МЕЧТЫ

16 мая в московском "Доме художников" (ул. Вавилова, 65А) открылась выставка За-служенного художника России Геннадия Васильевича ЖИВОТОВА, на которой представ-лены его лучшие работы, с конца 70-х годов XX века вплоть до нынешних дней. В от-крытии выставки приняли участие главный редактор газеты "ЗАВТРА" Александр Проханов, лидер мотоклуба "Ночные волки" Александр "Хирург", другие представители патриотической общественности.

Александр ПРОХАНОВ выступает на открытии выставки Геннадия ЖИВОТОВА

Мне не думать об этом нельзя,
И не помнить об этом не вправе я, —
Это наша с тобою земля,
Это наша с тобою биография.

Из советской песни

В РЯД ЛИ МОЖНО представить очередной номер газеты "Завтра" без хлесткой и задорной и вместе с тем предельно-четкой иллюстрации Геннадия Животова. Талант политического карикатуриста — это созвучие разных качеств: знание современной жизни, быстрота реакции, но главное — умение рисовать. Хороший карикатурист — это художник вдвойне, ибо он в такой степени знает "натуру", что делает её гротескно-смешной и мгновенно узнаваемой. Более того, подлин-ный мастер карикатур не должен испытывать бешеную злость — лишь некоторое сострадание к своим героям, точнее, антигероям.

Насмехаться — это поддевать!.. Показывать жалкими, но будто бы давая последний шанс на исправление. Политкарикатура и вообще социальная графика — это своеобразный отчёт о проживаемой эпохе. В неболь-шом сатирическом росчерке сосредотачивается исто-рический миг. Поэтому юмор и смешные рисунки XIX-XX веков требуют разъясняющей аннотации — они были понятны человеку сто или пятьдесят лет назад и мало что говорят многим нам, сегодняшним.

ГЕННАДИЙ-ЛЕТОПИСЕЦ

График нашего времени

Карикатуристы — остроумные биографы нашей цивилизации. Неслучайно Александр Проханов со свойственной ему патетической изысканностью писал о Животове, что он "... пожалуй, не художник, и ра-боты его — не рисунки, не граффити, не гравюры. Его работы — наскальные изображения. Каждую неделю в урочный час Геннадий Животов поднимается на скалу и своим красалом высекает на ней очередной сюжет". И — откровение: "Животов — охотник за вре-менем". Он — Геннадий-летописец, подобный лето-писцу Нестору.

Недавно вышел двойной альбом "Политическая графика", где отобрано всё лучшее и важное, что со-творил Животов за долгие годы сотрудничества с на-шей газетой. Это совпало с выставкой, устроенной в Доме художника на Профсоюзной (ул. Вавилова, д.65). Экспонируются не только графические, но и живопис-ные работы. Однако выставка — во многом презента-ция альбома как осязаемого результата. Перелистывая страницы, заново учишь новейшую историю — далеко не всегда славную.

"Прорыв" (1992) — руки Рабочего и Колхозницы, их серп и молот разрезают пространство и несут свет. Очень смелая вещь для начала 1990-х, когда большин-ство населения пребывало в шок-состоянии, описан-ном Виктором Пелевиным в "Поклоныи П!". "Сказать, что мир стал иным по своей сущности, тоже было нельзя, потому что никакой сущности у него теперь не было. Во всём царила страшноватая неопределён-ность. Несмотря на это, по улицам неслись потоки "мерседесов" и "тойот", в которых сидели абсолютны уверенные в себе и происходящем крепшия, и даже была, если верить газетам, какая-то внешняя поли-тика". В 1992-м году мало кто соображал, что мы поте-ряли, изничтожили уникальнейший советский проект. "Протест" (1992): молодой человек с портретом Ленина на футболке, что-то кричит в мегафон. Напислсь "сни-керсов" и проснулись? Поняли? То-то!

Многочисленные вариации на тему "дорогого Бо-риса Николаевича", устроившего нам не токим "свя-тые" (по мнению его вдовы!), но и нетрезво танцующие 1990-е. Здесь Ельцин — этаким персонаж политиче-ских комиксов: то в костюме клоуна, то борец, нокаути-рующий Думу, то в виде пустой головы, то на рельсах. Помните, господин-президент клятвенно обещался лечь на рельсы, если уйдутится жизнь народа? "Удер-жаться бы" (1998): Ельцин пытается быть не то атлан-том, не то карiatидой в храме Европы, остальные — "атланты" вроде Гельмута Коля — с высокомерным недоверием взирают на подуги царя Бориса. Притом, повторюсь, даже тут не наблюдается озлобление ав-тора. Его позиция — усмешка сильного человека, так как ненависть — это история слабака.

А тут — "Великий передел" (1994): жирное, низколо-бое существо загребает волосатыми лапами заводы, леса и нефтяные вышки. 1990-е годы — культ нахрапи-стых псевдонеоготиантов, ничего не производящих, а только с удовольствием грабятщих и приватизирующих. Не жалует наш художник и богачей, то есть басенных "свиней под дубом" — символическим дубом с именем "Россия". "Боров Константин под дубом вековым" (1996): предприниматель Боровой — одна из наименее симпатичных фигур 1990-х — показан тут в образе алчного кабана, подрывающего корни. Полотно "Смут-ные годы" (1996) — панорамная картина адовых лет: горящий Дом Советов, нищие на костылях, ресторан-ные лабухи, а во главе бедлама — разжиревший Ми-стер Доллар, которого плотным колымом ограждает "сервильный" ОМОН. Я отчасти помню октябрь-93, когда в одном конце Москвы убивали, а в трёх киломе-трах от событий — припарковывали авто, жрагли икорку и благоухали парфюмами.

"Деяностые" (1999): оборванный русский мужик, опутанный цепями, стоит посреди полузаброшенного мира, в черноте кружат бесы, подаль Родина-мать просит милостыню. Именно такими и были1990-е — запустение и невозможность. Иногда карикатуры Жи-вотова не просто злободневны — они по сути пророче-ские. "Вторая древняя" (1996): эффектный Евгений Киселёв, тогдашняя "прима" НТВ, подан в виде пу-бличной женщины. Надо ли подчёркивать, где ныне подвизается Евгений Алексеевич?

Многочисленные сюжеты обращены к мировой по-литике, в том числе и к бомбардировке Югославии, а потому в кадре хищная "мадлен Олл-райт", о которой Александр Проханов вещал в одной из своих передо-виц: "Югославию бомбят, как Дом Советов в Москве. Старуха Олбrait красит губы кровью сербских мла-денцев". Рядышком "Живой уполк Билла Клинтона" (1996) — кружок заокеанских друзей тогдашнего РФ-истеблишмента. Господа напоминают сказочных урод-цев: мятые, зубастые, убогие, смешные. Противные. И — не страшные.

Зато совсем по-другому выглядит "Народ — побе-доносец" (1995) — графическая работа, посвящён-ная 50-летию Победы. Не менее радостен и "Крестный путь" (1995) — здесь, как нельзя лучше, вписалась блоковская символика: "В белом венчике из роз — впереди — Исус Христос". Надо сказать, что этот удачный образ Животов потом эксплуатиро-вал довольно часто — Спаситель во главе колонны. Есть ли у России земной спаситель? "Выхожу я на татами" (2000) — отнюдь не карикатурное, скорее, шаржированное изображение Владимира Путина. Новый президент выступает как воитель и победи-тель. Как надежда на восстановление. Животов ри-сует его то с мечом, то с топором, то с дирижёрской палочкой, то на троне, в малоприятных раздумьях. Иной раз Путин явлен как азартный игрок или чело-

век, не знающий, за что браться: чересчур сложное и опасное наследство! А вот он — дрессировщик или даже — Цезарь. "Твёрдым шагом" (2009) — молодой человек с мо-бильником шагает в сторону гетто с вывеской "Колония". Его путь тоже устлан сотовыми телефо-нами. Имеется в виду колония как зависимая и не име-ющая своих технологий, страна, проматывающая ре-сурсы в обмен на пресловутые "стеклянные бусы" от милостивого колонизатора — 2000-е годы оказались эрой повсеместного Интернета и всеобщей "мобилиза-ции" (от слова "мобильник").

Начало 2010-х — "Либеральный хоровод" (2012). Дмитрий Быков — сочный и напоминающий Ваха, гламурная Ксения с конской улыбкой, скунылощий красавчик Лёха Навальный и прочие марионетки про-теста. "На Болотную!" (2012): здесь всё тот же бестия-рий, а главдицида Людмила Алексеева превращена в летучего демона. И опять же, "дождливая" бесовщина вызывает смех, а не испепеляющий гнев. Украинская болыная тема — композиция "Мусор" (2014); мы уз-наём и Коломойского, и Яценюка, и Порошенко и всю остальную братию "небратьев". Шальная компания раз-мещена в помойном бачке на колёсиках и направля-ется, видимо, в сторону светлого будущего. А оно у "потомков древних укров" так и не случилось. "Пан-флейта дяди Сама" (2014) — снова жовто-блакитные вожди плюс руководитель проекта — "добрейший" американский дядюшка, любящий не только дирижи-ровать, но и работать "первой скрипкой" в мировом оркестре — или, как в данном случае, играть на много-стоальной флейте, где каждый звук — соло из Белого дома. "Военно-полевая Рада" (2014) — хаос и меша-нина, Гуляйполе и "Свадьба в Малиновке". "Коллек-тивный пан" Грициан Таврический. Но с Таврией у них — проблема.

Траурная рамка вокруг портрета Олеса Бузины (2015) — честного украинского писателя, подло убитого 16 апреля 2015 года в Киеве. "Саакашвили" (2015) — Мишко Саакашвили, пожёвывая галстук, держит на руках "куклу Машу", то есть Марию Гайдар, дочерь не-безызвестного "реформатора". Попытка сделать имя и карьеру в киевском дурдоме провалилась у обоих: и "дядя Миша", и "кукла Маша" сделались посмешищем всей Европы, которой так хотели понравиться.

Но не всё же рисовать кошмары! Животов, как и любой мастер, с куда большим удовольствием обра-щается к чистой и яркой стороне бытия. "Вечная Россия" (2006) — триумф Петра Великого и дивного Ленинграда. "Свет против тьмы" (2008) — вариация на тему Георгия Победоносца. Веровать в лучшее, искать его! "Парад земной — парад небесный" (2015) — вещь, посвящённая очередной годовщине Победы, где в раю маршируют советские воины, не-зримо сопровождая парад Российской Армии. Он идеалист-романтик, наш Животов, а поэтому ча-ственно пишет не то, что есть в реальности (увы, не самой радостной), а то, как должно быть. Вот его "Триумф справедливости" (2015) — трубящий ангел, пролетающий над статуей Рабочего и Колхозницы. Или "Оружие массового преобразования" (2015) — тома книг в виде танков и бэтээров. Он уверен, что "саду — цвести!", как в стихах у Маяковского. Один из любимейших героев газеты "Завтра" — байкер Хирург, Александр Залдостанов. Легендарный не-формал моих восьмидесятых, сейчас он — один из самых последовательных патриотов России. "Хирург, не тормози!" (2016) — динамичный портрет человека на мотоцикле. Александр Проханов с величайшей искренностью пишет о Залдостанове: "Он — худож-ник, поэт, изобретатель, мечтатель — создал удиви-тельные представления и мистерии, в которых эти грохочущие моторы, эти ликующие и рискующие жизнью светоносные мотоциклисты создавали великие метафоры, что он черпал из русской истории". Животов — изумительно точен в своих определе-ниях, ловя момент и запечатлевая нашу коллектив-ную биографию. Его политическая графика должна быть включена в учебники истории. Он — современ-ный летописец.

Галина ИВАНКИНА

О двухтомном альбоме политической графики Геннадия ЖИВОТОВА

РУССКАЯ МЕЧТА неизящима, но при этом она живёт в каждом подлинном творении поэта, композитора, художника. Обыденное слово, привычный звук, незатейливая линия, окрылённые русской мечтой, достигают незем-ных высот, наполняются небесными смыслами. Если русская мечта поселяется в сердце творца, она вытекает оттуда уныние и скверну. Принявший русскую мечту будет не "радоваться неправде", а "сорадоваться истине", не умно-жать боль, а врачевать раны, не гсущать тьму, а "одеваться светом, яко ризою".

Геннадий Животов — художник русской мечты. Он нашёл для её выражения глубинные образы, в которых единица становится равна миллиону, когда зрителю в небольшом рисунке открываются века и тысячелетия. Копьём Пере-света, пером жар-птицы, всплывающим Ките-жем художник выражает то, на что философу и учёному нужен "Нил чернил".

Многолетний сотрудник газеты "Завтра" Живо-тов превратил свои рисунки в изобразительные передовицы. Он стал художником, которому по-счастливилось обрести читателя. Широкая пу-блика знает Животова "не по залам и по сало-нам", а по газетным полосам, что каждую неделю врываются в культурное пространство, как новое слово в обветшавший словарь, как пробуждаю-щий монотонную партию повседневности звук.

Но, несмотря на работу в газете, где идёт "вечный бой" с "торжественными изменниками" и "надменными клеветниками", рисунки Живо-това — не карикатуры и шаржи, не однобокие фельетоны и сатира... Даже когда Животов бес-пощадно обличителен, когда он выставляет на всеобщее обозрение "голых королей" — даже тогда он светоносный художник, выполняющий особую миссию особыми средствами.

Геннадий Животов — метафорист. Мета-фора — его главное оружие. Определённая Ло-моносовым как "сближение далековатых идей", метафора способна у Животова на прямое пе-реливание смыслов, на совмещение разнород-ных систем координат, когда из видимых плоско-стей рождается прежде неведомые объёмы, пространства, в которых живёт русская мечта.

Для Животова русская мечта — это потем-невшая в нашу эпоху икона. Божественный лик на ней скрыли гарь десятилетий, мрак заблуж-дений, хула врагов. Но сквозь плотные слои лик постепенно проступает: то ли икона обновля-ется, то ли мы прозреваем.

Животов как художник прозревает быстрее других: его око привыкло пробиваться сквозь тьму. Животов реставрирует икону: снимает на-пластования мрака, чтобы явить лик мечты, способный озарить всю нашу жизнь.

Недавно вышедший двухтомный альбом по-литической графики Животова — это сбереже-ние русской мечты. Первый том, посвящённый 90-м, предстаёт как "далёкое близкое": то, что было тридцать лет назад, память хранит, будто вчерашний день. И при этом "как много прой-дено дорог". И при этом — в борьбе за Отече-ство "за годы сделаны дела столетий".

Может быть, "из памяти изгрызли годы", то стал прототипом некоторых мелких бесов. Мо-жет быть, из рисунков Животова постепенно уходит исторические детали, но при этом об-разы наполняются надвременным, бытийным содержанием. Злодеи минувшей эпохи сегодня оказываются аллегорией зла, "сном разума, рождающим чудовищ", "садом земных наслаж-дений", всадниками апокалипсиса.

Первый том графики — это "попрание тьмы". Сквозь карту усечённой России пробиваются

серп и молот рабочего и колхозницы, рассеивая свет на всё постсоветское пространство. Народ-победоносец в облике красного витязя отсекает голову орлу со свастикой вместо крыльев. Рус-ский БТР совершает Приштинский бросок — пробивает путь справедливости, восстанавли-вает "правду Бога". Пушкин своей тяжёлой тростью грозит клеветникам России — и от од-ного взмаха они разлетаются как сор.

Второй том — "хождение во свете". Посте-пенное накопление сил, пробуждение веры и воли. "Свете светлый, светло просвети" — зву-чат слова молитвы в каждом рисунке Геннадия Животова. Ратники бессмертным полком идут среди облаков, и оттого становится твёрже наша земная поступь. Крымский мост уходит за горизонт — и там соединяет небеса и воды. Си-рин, русская птица счастья, прилетает в разру-шенную Пальмиру, несёт весть о том, что "пре-терпевшим до конца" даруется Победа. Спаситель от Голгофского креста ведёт Россию по благоухающему лугу. И в этом крестном ходе — икона преподобного Сергия Радонеж-ского и Родина-мать с Мамаева кургана, воин, лишенный очей на недавней войне, и космонавт, увидевший Землю в иллюминаторе и вспомни-вший синий цвет на иконах Андрея Рублёва. Крестный ход ждёт рассвета — солнце встаёт нимбом над головой Спасителя.

Русская мечта, чтобы оставаться мечтой, не должна открываться до конца, являть себя во всей полноте. Но так хочется вновь и вновь зреть её в метафорах художника. Геннадий Жи-вотов берёт чистый лист, угадывает на нём кон-туры мечты, несущую прорисовывает агнца, рыбака, голубя, парящего над Россией.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

БЕЗУКОРИЗНЕННЫЙ МАСТЕР

Я ХОЧУ СКАЗАТЬ несколько слов о гра-фике Геннадия Васильевича Живо-това. Его живопись прошла мимо меня — Геннадий Васильевич создавал её в своей мастерской, иногда открывая её нам во время вернисажей. Но его графика твори-лась на наших глазах, на моих глазах. И это — чудесное явление. В чём чудо его? Конечно, в изысканности, в фантазии. Это удивительное мастерство, это, казалось бы, предельная политизация. Но это не всё.

Ведь каждый рисунок, который Геннадий Васильевич приносит в нашу газету и кото-рый каждую среду видит весь мир, — это утончённая метафора, где он, как художник, захватывает момент сиюминутной истории. Это ловушка для времени. Животов выстав-ляет её — и туда заплетает историческое мгновение. Ловушка захлопывается, он не-сёт её в газету, и газета этот момент запечат-левает. И это происходит не раз и не два, и не сто — это происходит еженедельно на протяжении четверти века. Это непрерывная охота на время.

В итоге получается гигантская метафора, в которую захвачено время. Время поймано, время зафиксировано, и это — та концепция времени, которая видна Геннадии Василье-вичу, она ему любезна. Он это время стис-нул, отсек от него ненужные элементы, он его создал, это — время Животова.

В этом смысле Геннадий Васильевич яв-ляется магом, управляющим историей, управляющим временем. Всё его иску-ство — оно само по себе нереалистично. Оно метафорично. Оно образно. Оно усло-вно. Но всё его искусство — это волшеб-ство, это магические усилия, которые он предпринимает постоянно и непрерывно. Он управляет историей.

Но не просто управляет — ведь есть и другие "волхвы", и другие "маги", враждеб-ные Животову, которые по ту сторону нашей исторической мембраны создают свою вер-сию, свою метафору истории. Животов сра-жается с ними. И идёт потрясающее сраже-ние этих магических технологий, которые каждую неделю сталкиваются, искрят, там происходят невидимые миру драмы, маги сокращают друг друга, и кто-то падает, рас-сечённый; потом он опять встаёт и продол-жает битву. Идёт непрерывная борьба. Не политическая? Конечно же, политическая. Не идеологическая? Конечно же, идеологи-ческая. Но, прежде всего, здесь идёт война метафизическая, метафизическая брань, и победа в этой войне, в этой брани — за Жи-вотова, потому что в те чудовищные вре-мена, когда мы начинали вместе работать, когда наша великая страна была повержена, когда, казалось, люди рассыпаются и стре-мятся скрыться от этого чудовищного взрыва, чтобы уцепеть, — после этого прои-зошли колоссальные перемены.

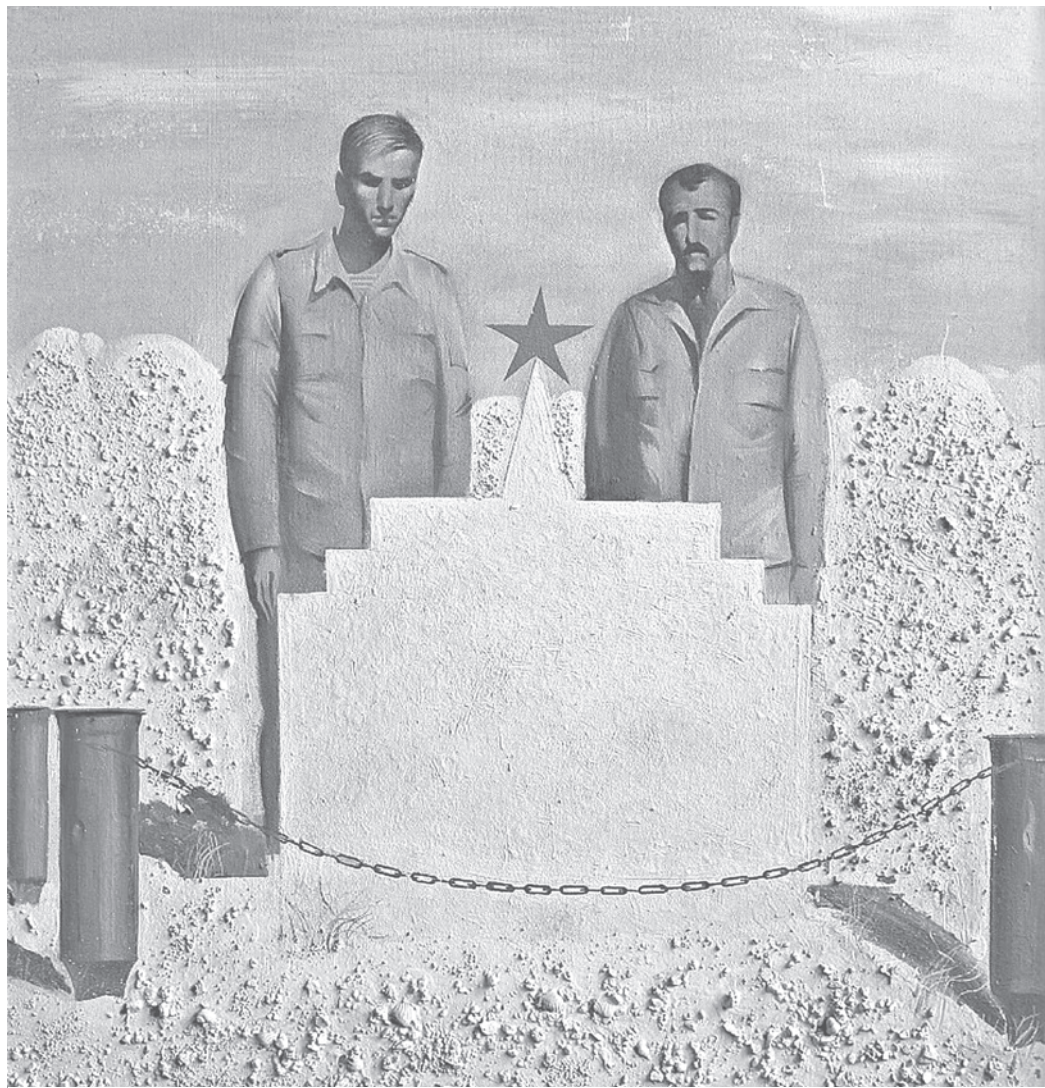
Сохранилось государство Российское. Да, все олигархи тут, они по-прежнему терзают нашу Родину, выгрызая из неё самые слад-кие куски: нефть, алмазы, лес. Но они уже не в силах уничтожить саму нашу страну. У Рос-сии появилась армия, у России восстано-лись технологии, Россия строит блестящие самолёты и подводные лодки, у России по-явились храмы, возник новый патриотиче-ский уклад, который, казалось, был полностью разрушен в 90-е годы, когда всё рассыпа-лось, все разбежались, и царствовало одно только демоническое тление либералов.

А сейчас мы видим мощное патриотиче-ское движение, насыщенное людьми, обра-зами, идеями. Есть великий Хирург — лидер мотоклуба "Ночные волки", с его фантазма-горическими начинаниями. Он поднялся из недр нашего общества и создаёт потрясаю-щие мистерии то в Москве, то в Сталин-граде, то в Севастополе. Этот патриотиче-ский уклад появился в результате нашей многолетней борьбы, в результате метафи-зических войн, в которых Геннадий Василье-вич участвовал. И эти наши победы — это его победы.

Мы редко говорим друг другу добрые слова — некогда: у нас — постоянная борьба, постоянная рутина. И когда Генна-дий Васильевич Животов приходит на пла-нёрки газеты "Завтра" со своим очередным шедевром, когда открывает дверь, и в ней появляется наш дорогой друг, который про-ходит, как будто не касаясь земли, мимо нас и садится на диван, вокруг него начинает светиться воздух. Он слушает наши полити-ческие споры. В это время трудно говорить о том, как мы любим его, восхищаемся его творчеством.

Дорогой Гена! Я тебя люблю, я тебя по-здравляю! Храни тебя Господь!

Александр ПРОХАНОВ

«Обелиск». Серия «Афганистан» (1985)

«11 Сентября» (2001)

«Большая Триумфальная» (2013)